

В номере:

Наши новые начальники	1
«Московская агломерация». Конкурс	1
К 70-летию В.С. Александровского	2
«Из тени в свет перелетая»...	2
О краске	3
Москва – Тбилиси. Далее... всегда!	3
Юрий Михайлович – юбиляр	4

Наши новые начальники

Официальное представление Сергея Кузнецова в качестве нового главного архитектора Москвы состоялось недавно на заседании городского правительства. Мэр столицы Сергей Собянин представил и нового главу Москомархитектуры – Андрея Антипова, ранее руководившего ГУП «Мосгоргеотрест»: «В обязанности председателя комитета теперь входит текущая управленческая работа (здесь не до творчества!), поэтому принято решение разделить должности председателя комитета и главного архитектора». «Главный архитектор будет курировать конкретные градостроительные проекты, работать с экспертным сообществом», – сказал мэр. Ему предстоит заняться стратегическими проектами, а выдавать разрешения на строительство и вести административную работу станет его начальник, глава Москомархитектуры Андрей Антипов. При главном архитекторе Москвы будет сформирован Архитектурный совет, в который войдут известные представители профессионального сообщества. Состав Совета и Положение о его деятельности должны быть разра-

ботаны в течение ближайших недель. Преемнику Александра Кузьмина Сергею Кузнецову 35 лет, в 2001 году он окончил МАРХИ и с 2006 года является руководящим партнером бюро «SPEECH Чобан/Кузнецов». С.Кузнецов – автор и соавтор более чем 50 проектов, реализованных в различных городах России и стран СНГ, среди которых офисное здание на Ленинском проспекте в Москве, Дворец водных видов спорта в Казани, олимпийские объекты в Сочи, Музей архитектурной графики в Берлине, градодокументация для «Сколково». По словам столичного вице-мэра Марата Хуснуллина, власти пересмотрели огромное количество кандидатов, но многие архитекторы не готовы оставить свои частные практики ради административной работы. Перестановки в Москомархитектуре продолжались целый месяц. 12 июля в отставку подал А.В. Кузьмин, совмещавший в одном лице посты главного архитектора города и начальника ведомства с 1996 года. На место главного архитектора был назначен его замести-

тель Олег Рыбин, однако и он подал в отставку спустя неделю. И. о. главы Москомархитектуры был другой заместитель Кузьмина Рубен Мулкиджян. По словам Марата Хуснуллина, Антипов прекрасно знает Москву, так как последние 12 лет, помимо работы в Мосгоргеотресте, был еще и заместителем главы Москомархитектуры. Антипову отойдет вся административная работа, в том числе выдача застройщикам ключевых разрешительных документов – градостроительных планов земельных участков (ГПЗУ). Новому главному архитектору предстоит разбираться с итогами конкурса на развитие московской агломерации и увязывать в единое целое генпланы Москвы и присоединенных территорий. Сергей Кузнецов заявил, что готов заниматься только конкретными проектами, а работа в виде бесконечных формальных совещаний ему неинтересна. По словам президента МАРХИ А.П. Кудрявцева, С.Кузнецов читал в вузе бесплатные лекции и организовал совместные проекты МАРХИ и Колумбийского университета Нью-Йорка, что свиде-

тельствует о верном понимании перспектив подготовки кадров. Зампред ЭКОС Москомархитектуры Борис Пастернак считает, что на должности главного архитектора важна не столько персона, сколько коридор ее полномочий: «...не штамповать решения начальства, а вести аналитическую деятельность, учитывать мнения социологов и экологов, заниматься сохранением наследия». Пока же «Инвестиционные проекты реализуются, несмотря на протесты общественности», – говорит Борис Пастернак. Пример – ситуация с особняком XIX века на Арбате, снос которого продолжался даже после вмешательства Мосгорнаследия. Кузнецов становится подчиненным, первым замом Антипова. Это фактически аннулирует должность главного архитектора Москвы, – считает координатор «Архнадзора» Константин Михайлов. Правда, Хуснуллин заверил, что речь идет только о формальном подчинении, вторая должность нужна Сергею Кузнецову для ускорения внутренней «бюрократической кухни».

из потока информации

Открыта выставка конкурсных проектов «Московская агломерация. Концепция развития»

27 августа в специальном павильоне ЦПКиО им. М.Горькова открылась выставка проектов, представленных на международный конкурс по развитию Московской агломерации (включая новые территории). Выставка в ЦПКиО продлится до 23 сентября с.г. На конкурс поступило 67 заявок, из которых 30 было от российских и 37 – от зарубежных авторских коллективов. После балльной оценки по установ-

ленным строгим критериям группа экспертов определила 10 коллективов: 1. ООО «Архитектурное бюро «Остоженка», 2. ООО «Архитектурно-дизайнерская мастерская А.А. Чернихова», 3. ФГБОУ ВПО «Московский архитектурный институт», 4. ЦНИИП градостроительства РААСН, 5. ANTOINE GRUMBACH AND JEAN-MICHEL WILMOTTE (Франция), 6. I AUC (Франция), 7. OMA (Голландия), 8. RICARDO BOFILL

(Испания), 9. STUDIO ASSOCIATO SECCHI-VIGATO (Италия), 10. URBAN DESIGN ASSOCIATES (США). Полгода эти коллективы вели разработку проекта концепции развития Московской агломерации по трем направлениям: пространственному развитию агломерации, по развитию Москвы и присоединяемых территорий, вариантам развития нового Федерального центра. Концепция рассчитана на реали-

зацию в течение 30–50 лет. Торжественное открытие выставки прошло при большом сборе архитектурной общественности, членов авторских коллективов и прессы. Открыл экспозицию мэр Москвы С.С. Собянин, который заверил, что всё, задуманное и осуществляемое в Москве, направлено исключительно на благо города и его жителей.

Соб. корр.

«Москва. Реконструкция. XX век»

В связи с проведением конкурса Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева представляет еще одну выставку: «Москва. Реконструкция. XX век». Она откроется 25 сентября в Анфиладе главного здания музея.

Выставка представляет лучшие проекты по развитию столицы в XX веке, созданные выдающимися архитекторами своего времени. В их числе: Алексей Щусев, Иван Жолтовский, Николай Ладовский, Александр Веснин, Вла-

димир Семенов и др. Историческая ретроспектива позволяет не только осмыслить бесценный опыт с позиций нового времени, но и более глубоко проанализировать новаторские предложения проведенного конкурса.

По материалам научных исследований и выставки ГМА им. А.В. Щусева и ГУП НИИПИ Генплана Москвы готовят совместное издание, посвященное «Большой Москве». Его презентация состоится в музее в конце года.

«Ландшафтная архитектура. Взгляд из дома»

Тринадцатый фестиваль «Ландшафтная архитектура. Взгляд из дома» пройдет 25–29 октября 2012 г. в «Доме на Брестской» – выставочном комплексе Москомархитектуры. Стержнем популярного форума по-прежнему остается конкурс архитекторов и дизайнеров по девяти номинациям, демонстрирующий достижения в области городского и частного ландшафта. Большая творческая программа включает в себя мастер-классы, лекции ведущих зарубежных и российских архитекторов, дизайнеров, биологов, садоводов и т.д. В этом году опять премьера – спецпроект «Сад будущего». Организаторы ожидают яркие работы архитекторов и дизайнеров в этом новом разделе известного конкурса.

Полезная новость!

Саморегулируемая организация НП «МРСР» запустила проект job.mrsp.ru. Это первый российский портал, посвященный трудоустройству проектировщиков. Основная цель проекта – упростить процесс общения работодателей, ищущих квалифицированный персонал в сфере проектирования, и соискателей, нацеленных на выбор работы в стабильной и перспективной компании. Мы предлагаем бесплатное размещение вакансий и резюме. Резюме проектировщиков можно посмотреть на сайте www.job.mrsp.ru. Получить консультацию по работе с сайтом можно в Дирекции НП «МРСР»: тел. +7 (495) 662-47-19, e-mail: m.zaharova@mrsp.ru. Контактное лицо – Захарова Мария.

К юбилею Виталия Сергеевича Александровского

«Ему 70? Не может быть!»

Из разговора, подслушанного на лестнице Моспроекта

Когда смотришь на этого сухощавого, подтянутого человека, стремительно двигающегося по коридорам Моспроекта, с большим удивлением узнаешь, что ему в сентябре исполняется 70 лет. Виталий Сергеевич Александровский родился 6 сентября 1942 года. Его отец — доктор технических наук, профессор, почетный член Российской академии архи-

тектуры и строительных наук, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники, участник Великой Отечественной войны — Сергей Владимирович Александровский. Продолжая семейную традицию, Виталий Сергеевич в свое время успешно окончил МИСИ им. Куйбышева и пришел на работу в Моспроект-1, где вырос от рядового инженера до руководителя, заместителя главного инженера ОАО «Моспроект».

В числе наиболее перспективных и талантливых инженеров в 1975 году (до 1979 г.) он был направлен в заграничную командировку в Иран, а после возвращения назначен начальником Технического отдела тогда Управления «Моспроект-1».

Быть начальником ТО Моспроекта — далеко не простое дело. Нужно обладать универсальными знаниями во многих областях проектного процесса, уметь быстро оценивать предложения, которые вносят специалисты, находить единственно верные решения. Технический отдел осуществляет постоянную связь с научными организациями страны в области последних научных разработок и обеспечивает мастерские специальной литературой, опера-

тивной информацией о передовых технологиях и применении новейших архитектурно-технических решений. Специалисты техотдела принимают участие в разработке нормативно-методических документов и сами разрабатывают эти материалы, помогают мастерским на разных этапах процесса согласования проектов. Огромное и важное место в нынешних условиях острой конкурентной борьбы на рынке архитектурно-проектных услуг занимает выставочно-экспозиционная деятельность ТО. И во всех этих вопросах начальник техотдела должен разбираться на высоком профессиональном уровне, не отставая от требований времени и мирового технического прогресса. И Виталий Сергеевич успешно с этим справляется — недаром ему присвоено звание «Заслуженного строителя РФ».

Серьезный специалист, профессионал на своем месте, Виталий Александровский обладает прекрасными человеческими качествами. Его отличают скромность, тактичность, уважительное отношение не только к сотрудникам, но и к любому, кто обращается за помощью и советом. Он пользуется искренним уважением руководства, всего

коллектива ОАО «Моспроект», и, естественно, работников своего отдела.

Подводя промежуточные итоги своей производственной деятельности в связи с важным юбилеем, Виталий Сергеевич может с гордостью констатировать, что за много лет в руководимом им отделе (где, кстати, преобладают представительницы прекрасного пола) прочно установилась доброжелательная, спокойная атмосфера, чуждая конфликтов и ссор. Конечно, в этом немалая заслуга мудрого руководителя.

Сейчас, в сложное для Моспроекта время, главная задача — сберечь кадры, сохранить отдел, вернуть ему функции настоящего технического штаба Моспроекта, которое он по праву занимал долгие годы. Над этим целенаправленно и энергично работает Виталий Сергеевич Александровский.

Пожелаем юбиляру и его близким, прежде всего, здоровья и благополучия, а ему лично — успехов, оптимизма в нужной и важной работе на благо родного Моспроекта!

Коллеги, сотрудники ТО

«Из тени в свет перелетая»...

ВЫСТАВКИ

Весной этого года в рамках выставочной деятельности биенале «АРХ МОСКВА» в Белой гостиной Союза московских архитекторов прошла выставка работ женщин-архитекторов. Эта выставка была продолжением разговора о проблемах жизни и работах женщин-архитекторов, начатая на канале «Культура» в мартовские дни прошлого года. Три дня подряд по каналу «Культура» в цикле «Город женщин» шли фильмы, посвященные западным женщинам-архитекторам, блестящим, знаменитым, невероятно талантливым, построившим множество прекрасных зданий. На четвертый день был показан фильм «Русские кариатиды», рассказывающий о трех российских женщинах-архитекторах, которым удалось сделать что-то заметное в масштабах московской архитектуры, причем, весьма скромное.

Одной из этих женщин была я, затем Светлана Головина и Александра Павлова. В ожидании показа этого цикла у меня сводило позвоночник от ужаса возможных параллелей. Ну кому же пришлось в голову сравнивать? Конечно, между нами пропасть: разница в общественных устоях государств, в образе жизни, менталитете, в материальной сфере, а, главное, в свободе самовыражения! Например, во Франции, уже в начале 60-х годов XX-го века возникло движение женщин за возможность иметь собственное дело, а именно, свой бизнес. Причина была в том, что по французскому законодательству женщины не имели права владеть собственностью, вся собственность семьи принадлежала мужу. В результате жарких споров в обществе женщинам удалось победить, и тогда среди прочего были открыты и первые проектные бюро, возглавляемые женщинами. Активным членом этого движения явилась архитектор Соланж де ля Тур, представительница старинного графского рода де ля Тур. Ей принадлежала идея создания Международного союза женщин-архитекторов (UFLA), задачей которого стала пропаганда их работ. Необходимо было опровергнуть существовавшее в обществе мнение

о неспособности женщин к творческому труду. UFLA успешно существует уже более полувека, проводит конгрессы в разных странах, организует выставки работ женщин-архитекторов, собирает архив их работ. Отделения Союза открыты в 95 странах мира. Бессменный президент Союза все эти годы — госпожа де ля Тур, обаятельная, поражающая своей энергией. Невзирая на возраст, она носится на огромной скорости по Парижу в открытом голубом BMW времен ее молодости, летает по всему миру, собирая конгрессы Союза, ведет переписку с десятками отделений UFLA. Мадам де ля Тур награждена за свою общественную деятельность высшим знаком отличия Франции — орденом «Почетного легиона». Удивительная вещь, бывая на конгрессах, я заметила, что когда в зале собирается несколько сотен женщин со всего мира, шум от их нежных голосов превращается в щебет неведомых райских птиц. То же можно сказать и про «женскую» архитектуру: она разная, но представленная вместе, рождает неожиданные ощущения полёта. У нас в советское время проектное дело держалось в основном за счет рабского райских птиц. Тогда еще не было компьютеров и даже калькуляторов — вычерчивание чертежей превращалось в сущую каторгу. Эту работу обычно поручали женщинам как более терпеливым, ответственным и усидчивым. Чтобы стать руководителем мастерской или главным архитектором проектного института, необходимы были партийность и т. н. «активная общественная деятельность». Жесткая система администрирования, иерархическая лестница бесчисленных начальников, обезличивание творческого процесса — все это порождало ощущение беспомощности надежд на творческое самовыражение. «Машина» проектных институтов привела общество к мысли, что женщины-архитекторов не может быть. В те времена ходила шутка: «Вопрос: «Бывают ли женщины-архитекторы?» — Ответ: «Женщин-архитекторов не бывает, кроме одной — Мис ван дер Роз» (имя знаменитого немецкого архитектора). В фильме «Русские кариатиды»

цитировалось высказывание на эту тему великого Жолтовского, который думал аналогично. Такая категорическая оценка существовала у нас и в годы моей учебы, и значительно позже. Когда в 1991 году, уже имея большой опыт практической работы, я пришла в МОСА (СМА) получать разрешение «на право самостоятельной творческой деятельности в области архитектуры», секретарь комиссии, выдававшей аттестаты, сказала: «Ты напрасно подаешь документы, комиссия решила женщинам разрешение не давать». Но, посмотрев мои работы, разрешение все-таки дали. Потом я впервые выставила свой проект на конкурсе «Золотое сечение». И опять нашелся маститый архитектор (не будем его называть), который сказал: «Я вижу здесь подписано женской фамилией, неужели это правда?» Пришлось признаться: «Да, это я». «И что, на стройку Вы тоже сами ходили?» — удивился он. «Конечно, моим творческим методом является работа над проектом без участия авторского коллектива». Такая ситуация длилась у нас до 90-х годов, и только «перестройка» изменила жизнь в профессии к лучшему. Она каким-то образом раскрепостила женщин, подняла их самооценку, укрепила их дух и придала им уверенности в своих силах. Исчезли многие бытовые проблемы, стало возможным выйти из душающей атмосферы прежних проектных институтов и работать самостоятельно в персональных творческих мастерских. Однако не у многих женщин хватило мужества, а может быть, доли авантюризма, чтобы создать свои творческие мастерские. Но все же они есть! И хотя всё еще жив привычный менталитет нашего общества, где женщине отводилась второстепенная роль, в одном только ГАРХИ на женские фамилии зарегистрировано 17 мастерских. Я думаю, все женщины-архитекторы должны быть благодарны Захе-Хадид за то, что ей хватило мужества пройти свой путь одинокого воина и доказать всему миру, что женщина может быть не только и не просто архитектором, но «номером один» в профессии. Какова этому цена? В своих интервью она спокойно говорит

о том, что ей пришлось отказаться от возможности иметь семью, детей, что она долго оставалась без проектной работы, но в этом для нее не было драмы, потому что в ее жизни были другие высокие цели. В сердце этой арабской женщины с тяжелым лицом и прекрасными горящими глазами пылает огонь творца.

В выставке на «АРХ МОСКВЕ» участвовали 17 женщин-архитекторов. Среди них — и те, кто обладает большим опытом, и молодежь. Показанные работы различны, но все они интересны воплощенными мыслями и красивы формами; некоторые отмечены архитектурными наградами. Профессия требует от архитектора полной самоотдачи, сосредоточенности на своей работе, глубокой погруженности в профессию, она отнимает свободное время, и не каждая женщина может себе это позволить. Поэтому хочу привести здесь имена всех участниц выставки: Наталия Брайловская, Юлия Бурдова, Вера Бутко, Светлана Головина, Ольга Головина, Ольга Каверина, Людмила Казакова, Полина Ноздрачева, Наталья Лобанова, Александра Павлова, Алиса Пастернак, Александр Петренко, Светлана Писарская, Наталья Сидорова, Елена Ульянова, Анна Щетинина. Их имена уже знакомы многим. Они полны устремлений и творческих сил. Их лучшие работы еще впереди. В итоге выставки было решено, что ежегодно в мартовские дни, при поддержке Союза московских архитекторов мы будем собираться вместе, чтобы открыть очередную выставку работ женщин-архитекторов.

У нас есть женщина-директор, женщины на должности главного архитектора проектного института, уже прослеживается тенденция к увеличению количества женщин в нашей профессии, И, если учесть, что сейчас 80% студентов МАрХИ — девушки, то создается впечатление, что архитектура XXI века будет иметь женское лицо. Каким оно может быть?

Л.А. Казакова,
заслуженный архитектор РФ
Руководитель

«Творческой мастерской Людмилы Казаковой»

0 краске

Как обращаться с цветом доставшегося нам в наследство города? Уважение к строителю дома и к зданию требует внимательного выяснения, какой цвет был придан зданию при постройке.

Большая часть России расположена в тех широтах, где мало какой строительный материал способен сберечь тепло человеческого обиталища и сам себя. Зимняя стужа и летняя жара континента истязают фасады домов не меньше, чем наши тела. Однако мы можем остаться в одной рубашке или закутаться в шубу. Дома такой возможность лишены. Их стены должны быть неизменны. Спор о фасадах простирается далеко в прошлое. Еще древний грек Саллюстий порицал мраморную облицовку частных домов, считая, что добропорядочный дом не должен скрывать сущность своих стен. В то же время греки красили свои храмы и статуи, стараясь сделать их подобными живым людям, а храмы – краше, чем они есть на самом деле. Спор этот не вполне о краске, а о последнем пределе плотности здания, о ее поверхности и ее честности. Одни говорят, что эта внешняя поверхность подобна человеческой коже и неотъемлема от плоти здания. Другие – что это всего лишь одежда, и здание должно быть, как и человеческое существо, прекрасно и без одежды. Первое мнение опирается на уверенность архитектора в своей природе творца, создающего здание и потому властвующего над его внешностью до последней степени. В подтверждение второго мнения выступает время, которое срывает со зданий и облицовки, и, тем более, краски, заставляя их облетать и ис-

чезать в безвестности, обнажая настоящую плоть строений. Любая облицовка, однако, – это маска, личина, скрывающая действительную суть строения и вещи. В наших широтах материал, из которого собственно возведено здание, часто скрывается за облицовкой. Она бывает трех родов: либо здание скрывается за другим материалом, оставленным в своем естественном виде, либо за штукатуркой, составляющей плоскость или изображающей другую конструкцию, обычно окрашенной, либо окрашивается материал здания (и иногда облицовка). Каждая из облицовок имеет собственный смысл. Здания в своем естественном материале – каменный храм, кирпичный завод или изба – являют себя, как есть, не скрываясь. И стареют, и разрушаются так, как это присуще их составным частям. Здание, чья конструктивная основа скрыта за облицовкой, или краской, или и за тем и за другим вместе, сохраняет себя лучше ценой своего рода обмана. В нем есть практичность, но есть и отказ от признания своей природы. В то же время такой отказ часто делается в пользу украшения, придания зданию качеств, больших, чем ему отведено судьбой. Краска, и тем более облицовка, служат тому, чтобы уподобить здание чему-то, чем оно не является или является не в полной мере. Очевидно, чтобы произошло узнавание по-

добия, зритель должен помнить то, чему здание уподобляется. Таким образом, отделка становится каталогизатором памяти. Тут происходит разделение облицовки и краски: облицовка естественным материалом все же обладает собственной природой. Напоминание происходит через воспроизведение иной природы, не присущей зданию, средствами ее самой. Облицовка штукатуркой уподобляется иной природе, изображая присущую ей пластичность. Краска – и на штукатурке, и на не тронутой облицовкой стене – природой вовсе не обладает, она лишь знак, указание на отсутствующую природу. Однако именно в этом качестве и во временности своего существования она приобретает силу. Краска стареет, облезает, выцветает и осыпается, свидетельствуя о течении времени и о существовании прошлого с неподражаемой наглядностью. Естественная, да и искусственная, облицовка в своем разрушении обнажает собственную природу. Краска открывает нам нашу. Из всех строительных материалов краска, возможно, единственный, чей срок короче человеческого. Оттого краска приближает к нам дома, делает их ровней нам, одновременно свидетельствуя о конечности их жизни, и напоминая нам нас самих, являя нам нашу же скоротечность. Краска примиряет с тем, что дома переживут нас.

Самый тонкий и в то же время чрезвычайно значительный слой здания, завершающий его экспансию в пространство, расположен на границе между плотью строения и внешним миром. Практичность требует снова и снова красить постаревшие стены. В этом сквозит еще одно подтверждение временности самого здания и того, что оно изображает. Однако отсутствие у краски собственной природы влечет за собой свободу перекрашивающих в выборе цвета, который часто оказывается случайным или, того хуже, основанным на ложных, модных или вовсе вздорных представлениях. Уважение к строителю дома и к зданию требует внимательного выяснения, какой цвет был придан зданию при постройке, и его повторения. А в наилучшем случае – и использования такого же рода красителя, чтобы старость стен продолжала проявляться тем же манером, что и прежде, позволяя зданию быть самим собой, хотя бы и в его обманчивости. Это важно для города и его жителей, потому что город – воплощение памяти и следов жизни тех, кто его населял и без кого он никогда бы не стал тем, чем является теперь. И эта память значительнее и важнее для жителей, хоть и менее заметна, чем мемориальные доски, названия улиц и памятники.

Архитектор Кирилл Асс

Москва — Тбилиси. Далее... всегда!

Непреодолимые ценности – красота и дружелюбие – ключевые понятия, которые определили настроение этой поездки. Речь идет об очередном «архитектурном путешествии», предпринятом в этом году группой московских архитекторов в рамках программы международного сотрудничества Союзов архитекторов России и Москвы. «Мы увидели преобразования, реконструкцию, энергию. Это заметно в Тбилиси, где приводят в порядок исторические памятники, площади, восстанавливают храмы», – так оценил увиденное руководитель программы Александр Чугунов. Новая грузинская архитектура произвела на наших соотечественников также сильное впечатление. Вот несколько примеров. Здание МВД Груз-

зии. Напрашивается ассоциация с огромной (видимо, очищающей, смывающей нечесть) морской волной – фасад облицован зеленовато-голубыми стеклянными фрагментами в виде одинаковых треугольников, что еще более усиливает сравнение с водной стихией. Вторая идея, заложенная проектировщиками, реализована в интерьерах здания: огромные витражи-окна от пола до потолка и никаких занавесей и жалюзи – так, буквально, реализована идея прозрачности работы полиции. Авторы этой конструкции архитектор Альберто Доминго Кабо (Испания). Интересно, что образ «прозрачности», вслед за главным зданием МВД, взяли на вооружение и почти все полицейские участки Грузии.

Пока у нас, в России обсуждается необходимость и возможность переноса центральных государственных служб из центра столицы в другие районы и города, грузинские ведомства уже вовсю переселяются. Конституционный суд переехал в Батуми, следующий на очереди Парламент. Он переезжает в Кутаиси, и там готовится к заселению новое здание. В Тбилиси по праву гордятся еще одним новым сооружением – Центром выдачи автомобильных прав, талонов техосмотра, номерных знаков и разрешений на оружие. Весь процесс оформления и получения документов в этом учреждении занимает не более полутора часов. А выбрать номер можно вообще через автомат. «Архитектурная» программа этой по-

ездки была украшена посещением знаменитого и прекрасного тбилисского кукольного театра под руководством Резо Габриадзе. Кроме того на маршруте путешественников из Москвы были Мцхета, древняя столица Грузинского царства, родина сванов горная Местия, города Кутаиси и Батуми, Алазанская долина. Что можно сказать в заключении? Никакая политическая конъюнктура и провокации власть придерживающих не могут зачеркнуть столетия тесной дружбы и добрую память двух народов, а творческое сотрудничество и взаимные симпатии представителей нашей профессии с обеих сторон по-прежнему плодотворны и радостны.

Соб. корр.

СОЮЗ МОСКОВСКИХ АРХИТЕКТОРОВ, МААМ, РААСН, МАСА, МОСГОРДУМА

Молодежный форум Architecture&Nature 2012
«Creative Moscow – Творческая Москва»

Тема: реновация исторических и культурных центров Москвы на примере Центрального дома архитектора
Сентябрь – декабрь 2012 года

Регистрация началась на сайте www.mosma.ru/reg

Контакты: 123001, РФ, Москва, Гранатный пер., 9, Центральный дом архитектора, ком. 68, тел.: +7 (495) 258-0455, press@architektor.ru

Символ объединения творческих профессий
Creative Moscow – Творческая Москва
1 сентября – 10 октября 2012 года

Творческий конкурс на создание и исполнение архитектурных объемно-пространственных композиций – символа объединения СМА с общественными объединениями столицы – как общественного центра, выступающего за реновацию, идейное обновление, новую интеллектуальную и культурную миссию творческих центров столицы.

Регистрация и творческое задание – на сайте www.mosma.ru

Фото-класс:

«Особняк Эрихсона раскрывает свои тайны»
8 сентября – 29 декабря 2012 года

Центральный дом архитектора. Гранатный переулок, 7
Мастер-классы по фотосъемке исторических интерьеров Центрального дома архитектора с участием профессиональных фотографов и архитекторов в рамках юбилейных праздничных мероприятий «СМА: МОЙ ДОМ»

Регистрация началась на сайте www.mosma.ru/reg

Юрий Михайлович – юбиляр

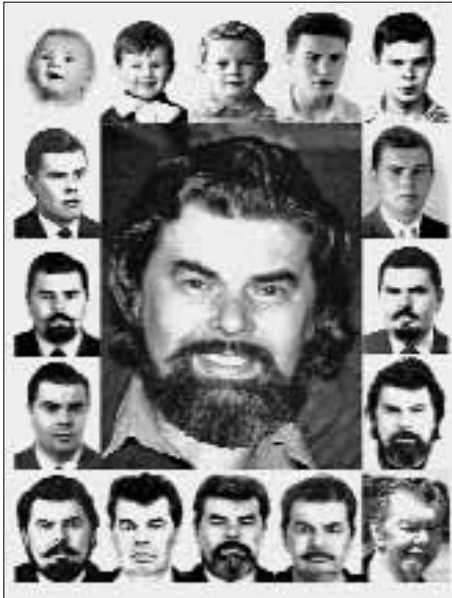
2 сентября исполняется 75 лет почётному члену РААСН, действительному – МА-АМ, заслуженному архитектору РФ, лауреату премии Совмина СССР, профессору Мар-ХИ, нашему (в отличие от бывшего мэра) Юрию Михайловичу. Ура, товарищи! После окончания в 1960 г. алма-матер неустанно работал в проектных институтах Москвы. Под его руководством и при авторском участии построен ряд крупных объектов

в Москве и других городах России. Был даже советником Минстроя Республики Вьетнам и награждён их же правительственной наградой. Участвовал по приглашению сената Берлина в разработке концепции объединения столицы Германии – в составе группы известных архитекторов мира. Разрабатывал и внедрял новые конструктивные системы. Много лет отдал реконструкции и развитию исторических городов России, строитель-

ству храмов, новых населенных пунктов – для размещения Западной группы войск, выводимых из Германии. Участвовал в международных и отечественных конкурсах (первые и призовые места). Его работы выставлялись на Венецианской биеннале и Софийской триеннале. Участник престижных международных конгрессов и конференций. Обладатель национального приза «Хрустальный Дедал», премии «Золо-

тое сечение», медали им. Баженова «За высокое зодческое мастерство» и медали СА РФ «За преданность содружеству зодчих». Постоянно публикуется в архитектурной периодике. Более 20 лет преподаёт архитектурное проектирование в МАРХИ. Один из авторов текстов для сатирических ансамблей «Кохинор» и «Рейсшинка», ведёт большую общественную работу в ЦДА. Семь его картин украшают стены Дома.

Несколько тёплых слов о себе (начало пути)

В 1954 году, когда я заканчивал среднюю школу, мне ещё не исполнилось 17 лет. До призыва в армию было далеко, но меня, городского мальчишку, видевшего море только во время отдыха с мамой, так и тянуло стать моряком. Ничего не сказав родителям, я отнёс свои документы в райвоенкомат с просьбой направить меня на учёбу в Военно-морскую инженерную академию им. Дзержинского в Ленинграде. В военкомате обрадовались. Биография идеальная: комсомолец, спортсмен и отметки хорошие. Обещали содействие, и я расшвыстел в школе, что моё дело в шляпе (вернее, в фуражке с «крабом» и при кортикке). Получив отличный аттестат, я с гордостью понёс его в военкомат. Но меня ждал сюрприз: сообщили, что в военные академии велено брать только из армейских офицеров. Попросил документы назад. Но мне сказали: дудки, с такой биографией я являюсь ценнейшей находкой, и мне предлагают Севастопольское высшее инженерно-морское училище, филиал «Дзержинки». С гордостью сообщил об этом родителям. Мама заплакала, а отец сказал, что, если я такой дурак, то пусть там меня поучат и сделают человеком. Медкомиссия была сложнейшей и строжайшей. Я оказался удивительно здоров и годен в моряки. Пора было отправляться в Севастополь. Мичман, приехавший за нами, собрал на лестничной площадке меня и ещё троих романтиков-москвичей и оглушил сообщением, что училище это, хоть и высшее инженерное, но... подводного флота. Но нас уже ничто не могло остановить. Севастополь почти весь лежал в развалинах. Училище находилось в полуразрушенном, но всё ещё очень красивом здании бывшего гардемаринского училища, к которому вела разбомбленная лестница с поваленными фонарями. Мне выдали брезентовую матросскую робу, бескозырку без ленточек – до присяги. Трёхэтажные койки, непривычная еда, придирки (как мне казалось) начальников. Чуть что – мыть галюн. Коридор именовался палубой, столовая – камбузом, а мы – салагами. Однажды вечером голодный и усталый, в одиночестве я сидел на ступеньках лестницы и смотрел на коричневую воду залива. Неожиданно на столбе захрипело радио, и родной голос радиодиктора задушевно сказал: «Московское время – двадцать часов. Начинаем передачу «Театр у микрофона». Слушайте монтаж спектакля Московского художественного театра «Три сестры». И тут романтика моря покинула меня. Я с тоской представил себе московский переулочек, оторванный угол афиши на заборе, свою комнату, маму, папу... В этой тоске я находился весь следующий день и, совершенно не разбираясь в субординации, нагрубил ка-

кому-то дядьке с большими звездами на погонах. Меня вызвали в «кадры», где гуманно сообщили, что отчисляю по состоянию здоровья, и моё счастье в том, что я ещё не принял присягу. На последние рубли я пристроился в маршрутку до Симферополя, оттуда перебрался в общий вагон поезда, на третью полку. Ехали долго. Внизу пили и закусывали моряки-черноморцы. Периодически они звали меня за стол, а я гордо отказывался, понимая, что отныне чужой на этом празднике жизни. Папа и мама встречали меня на вокзале с букетом. Вечером устроили праздничный ужин, за которым решался вопрос: что мне делать дальше. На дворе стоял октябрь. Занятия в институтах уже начались. Но папа сказал, что у него есть знакомый директор Строительного института и, так как я сдал в Севастополе вступительный экзамен на отлично, этот директор берёт меня, ради Христа и папы, кандидатом в студенты, а после первой успешно сданной сессии зачислит в настоящие студенты. Учиться оказалось очень легко. Дело в том, что в этом вузе престижно было быть троечником, пьяницей, стилигой и картёжником. Студенческая элита резалась на лекциях на задних скамейках в преферанс, ушивала брюки, строила на голове набриолиненные коки, обменивалась пластинками «на рёбрах» и ходила на подпольные джазовые танцующие. Я быстро вписался в коллектив. Ушил брюки, стал играть на барабанах в институтском джазе и активно рисовать в известной тогда на всю Москву студенческой газете «Сатира». Подкатила весенняя сессия. Я сдал её досрочно и ходил «руки в брюки». Причём, не один, а с красивой старшекурсницей Валей. Как-то после просмотра Диснеевской «Белоснежки» Валя, большая поклонница моих талантов, говорит: «Что ты время трастишь? Ты же хорошо рисуешь, шёл бы в Суриковку или в Архитектурный». Я задумался. Слово «архитектор» понравилось. Сообщил об этом родителям. Мама хотела заплакать, а папа, повертел пальцем у виска. И я отправился на улицу Жданова, где в канцелярии Архитектурного института узнал порядок перехода из другого вуза. Вернулся в Строительный, забрал документы и опять расшвыстел друзьям, что ухажу в архитекторы. В канцелярии архитектурного института мне сказали, что надо получить резолюцию директора. Директор, а это был Владимир Николаевич Кропотков, царствие ему небесное, страшно удивился. Но, будучи интеллигентным и деликатным человеком, сказал, что это не в его компетенции. Я был наивен и в своей наивности нагл. Не догадываясь, что это – вежливый отказ, я стал напирать на Владимира Николаевича, попытываясь, в чьей же это компетенции и кто имеет право на такую безделицу, как перебросить меня после 1-го курса Строительного на 2-ой Архитектурного. Программы одинаковые, за исключением рисунка, но это – не проблема. Директор положил под язык валидол и, стараясь не нервничать, попытался меня отфутболить. Он сказал, что, если я получу резолюцию в Минобразования и в главке, милости просим. Узнав, что министерство находится здесь же во дворе, а Главное управление – на 3-ем этаже, и как зовут начальника, я, помахивая заявлением, проскочил мимо ошарашенной секретарши и материализовался перед седым человеком в очках, который сидел за большим столом и одновременно читал, писал, говорил по телефону и пил чай с бутербродом. Назвав его по имени-отчеству, я сообщил, что нужна вот здесь резолюция. Начальник автоматически поставил свою подпись на моём заявлении. Не прошло и десяти минут, как я снова стоял перед

Кропотковым. Владимир Николаевич, опасливо поглядев на меня, вероятно решил, что меня поддерживает какая-то неведомая сила и что со мной лучше не связываться. Он начертил на моём заявлении (привожу дословно): «Зав. кафедрой рисунка Дейнеке. Проректору в связи с рисунком. В случае успешной сдачи – принять. В. Кропотков». Схватив эту бумажку, я побежал на кафедру рисунка. Дейнеки не было, а была лаборантка, которой я сказал, что мне надо сдать экзамен по рисунку и, желательнее, прямо сейчас. «Пожалуйста, рисуйте, только не долго». Я побежал на Кузнецкий, где в магазине канцтоваров приобрёл лист чертёжной бумаги, карандаш и ластик. Вернувшись, выпросил у лаборантки четыре кнопки и бритвенное лезвие. Среди гипсовых голов мне приглянулась голова раба с Пергамского алтаря. Только потом я узнал, что это очень сложная натура, раб был курчавый с курчавой же бородой, а голова его была запрокинута. Я сел в полуметре от модели и включил яркую лампу. На стену упала тень от головы, и она ярко высветилась, собственные тени исчезли, а падающие – наоборот. Но я рисовал гипс впервые в жизни, поэтому ни в чём не сомневался. Отточив карандаш, я твёрдой рукой изобразил то, что видел, и густо заштриховал тени. Вся процедура заняла минут 30–40. С листа на меня смотрел рисунок, выполненный в стиле эмблемы театра им. Маяковского, то есть без полутониров, но удивительно похожий на этого бородатого раба. Очень довольный, я сообщил лаборантке, что свой труд закончил, свернул его в трубочку, велел отдать Дейнеке и поехал домой. Дома сказал, что всё в порядке, за это папа купил мне путёвку в Дом отдыха, и я с лёгким сердцем поехал на Рижское взморье. Там было весело, много молодёжи. Когда меня спрашивали, где я учусь, не моргнув глазом, говорил, что в Архитектурном. И только один молодой человек с удивлением и недоверием смотрел на меня: он-то там учился, а я, сами понимаете, ещё нет. Я позвонил папиному приятелю, который из Риги ехал в командировку в Москву, и попросил его узнать, как мои дела. Вернувшись, он сообщил, что за рисунок я получил четвёрку. Дейнека, якобы, даже сказал, что этого парня можно научить рисовать. Я поначалу оскорбился, но смирился. На моём заявлении было написано: «В случае успешной сдачи – принять», следовательно, я принят. Дней за пять до начала учёбы зашёл в Архитектурный – узнать расписание. Секретарь сказала, что со мной хочет побеседовать неизвестный мне декан. Декан брезгливо осмотрел мою набриолиненную башку, узкие брюки и спросил: «До каких пор институт будут наводнять всякие блатники?» Я этого не знал. Тогда он показал пальцем на висящую в кабинете отмычку разреза Палаццо Дожей в Венеции и ехидно спросил, смогу ли я такое повторить. Этого я тоже не знал, но на всякий случай сказал, что смогу. Он подпрыгнул и что-то стал выкрикивать. Я понял только, что стану студентом только через его труп. Его смерти я всё-таки не желал. Так как в институте я знал только директора, то отправился к нему выяснить, что же мне мешает приступить к учёбе. Секретарь не пустила: директор просил придти завтра. Назавтра она сказала, что директор уехал, и я смогу с ним поговорить только завтра. 31-го августа я услышал, что директора нет и сегодня не будет. Это была катастрофа. Назад пути не было. И я поплёлся вниз по боковой лестнице. Чем это можно объяснить? Я должен был пойти по центральной лестнице, но пошёл по боковой, под которой был туалет. В туалете стоял директор и застёгивал брюки. Увидев меня, он смутился. Я смутился ещё больше. «Завтра,

завтра, сегодня я занят, – скороговоркой проговорил он и попытался уйти с незастёгнутыми штанами. «Но ведь завтра уже 1 сентября», – выговорил я упавшим голосом. Директор посмотрел на моё несчастное лицо и вдруг весело сказал: «А, чёрт с ним, иди к Анне Ивановне, скажи, что я велел записать тебя в 7-ю группу, там одни разбойники». И убежал. «Разбойники» встретили меня настороженно. По сравнению с моими бывшими друзьями-студентами это были пай-мальчики-девочки-отличники в бархатных штанишках. Меня снова вызвали – к завучу. Проректором по учебной работе был тогда Борис Николаевич Блохин, суровый и строгий. С порога он заявил, что лично сопоставил программу первого курса Строительного и Архитектурного институтов и не нашёл ничего общего, кроме высшей математики. Поэтому он ставит условие: в течение 1-го семестра я должен сдать 7 экзаменов и 21 зачёт. Если не сдам хоть один, меня отчислят. В уголке хихикал декан. К концу первого семестра я ликвидировал все хвосты и досрочно сдал экзамены 2-го курса. Но тут меня опять вызвали к Блохину. Посмотрев на меня, как царь из «Конька-Горбунка» глядел на Ивана-дурака, он сказал, что я своих обещаний не выполнил: в Строительном высшую математику изучают два года, а в Архитектурном – один. И если я до конца семестра эту математику не сдам, то – до свидания. До конца семестра оставался только один день, и я поплёлся искать математика. Под самой крышей, в маленькой аудитории собрались «лобачевские». Экзамены принимал пожилой человек, которого звали, как и моего отца, Михаил Иванович. Это показалось мне хорошей приметой. Беда была в том, что в дифференциальных исчислениях я был так же силен, как в иероглифах. И я побежал к телефону попросить школьного друга, математического гения Шепу срочно катить сюда. Шепя приехал на такси через 15 минут и притаился за дверью аудитории. А я смело уселся за стол, получив листок бумаги, на котором Михаил Иванович написал пример в виде неизвестных мне закорючек и цифр. Перерисовав закорючки на клочок бумаги, я дождался, когда в дверь просунулся большой Шепин нос, и точно выстрелил скомканной бумажкой. Шепя поймал и скрылся. Михаил Иванович дремал на весёлом солнышке. «Как успехи?» – поинтересовался он позже. Увидев, что никак, он отобрал наши листки и дал нам другие с другими примерами. При этом заверил, что, если и в этот раз не будет результата, он – пас. Но в этот момент в двери появилась большая нос, а мне в руку влетел смятый бумажный комочек с решённым первым примером. Увы, этого примера у меня уже не было. И тогда я пошёл ва-банк: перевернул лист, добросовестно списал решение первого примера. «Решили?» – спросил Михаил Иванович. «Решил, но только первый, а не второй». Михаил Иванович заподозрил неладное, но сжался. «Я понимаю, что жить без стипендии студенту тяжело. Ставлю Вам четыре. Но давайте договоримся по-джентельменски: когда Вы выучите математику, придёте ко мне, я Вас проэкзаменую и поставлю ту отметку, которую Вы заслуживаете. Дайте слово!». Я дал слово, которое, к сожалению, выполнить не смог. Математику не выучил, а Михаил Иванович вскорости умер. Борис Николаевич, увидев листок с четверкой, впервые назвав меня по имени, протянул руку. С этих пор он не раз спасал меня от разных неприятностей, на которые я нарывался. При встрече его суровое лицо смягчалось, а глаза становились добрыми. Светлая ему память. Я стал архитектором, кем и остаюсь до сих пор.

Юрий Мурзин